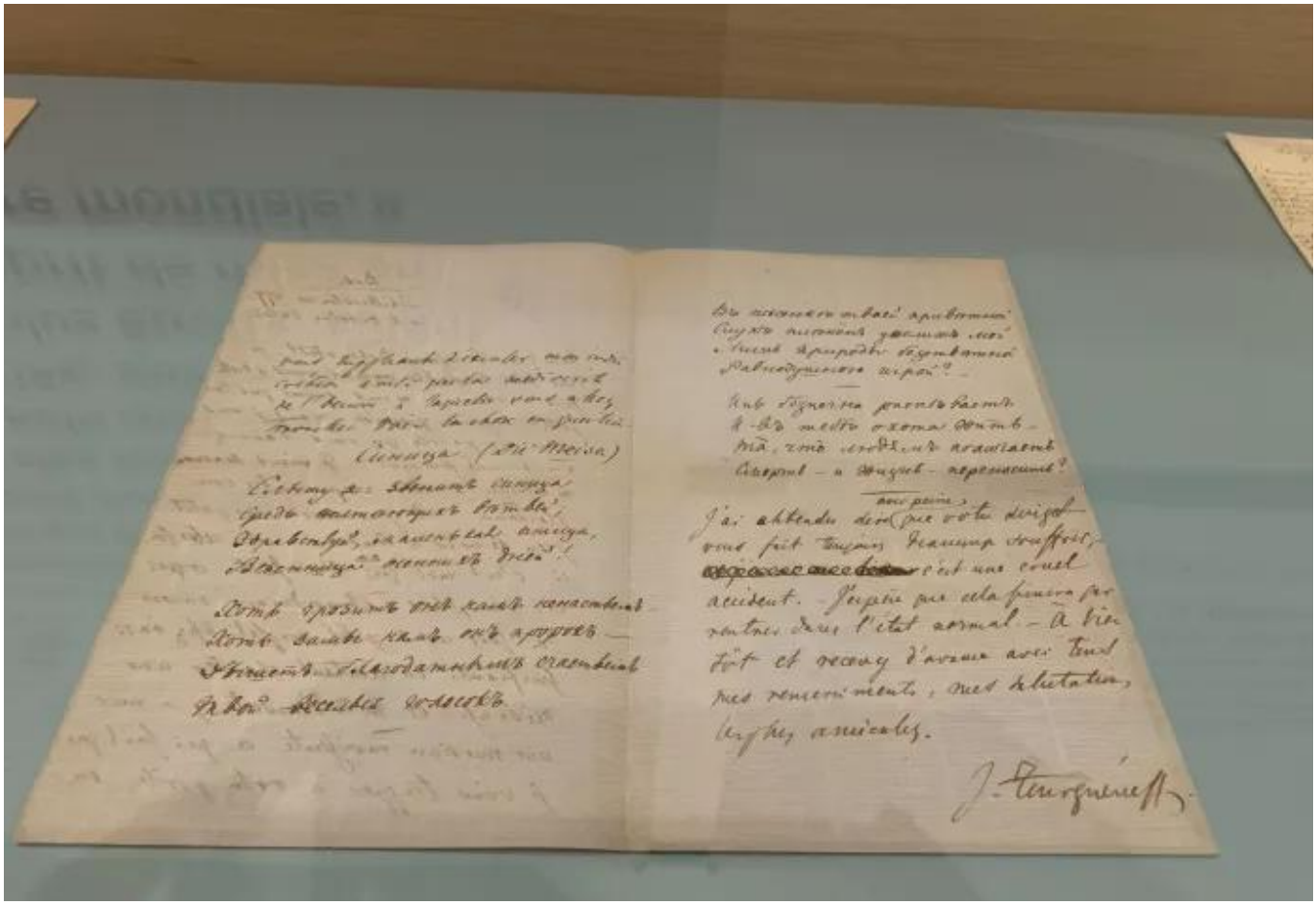
Опубликовано на Швейцария: новости на русском языке (https://nashagazeta.ch)

От Стефана Цвейга до Мартина Бодмера: (не)видимая коллекция

30.04.2021.

Письмо И. С. Тургенева его немецкому переводчику Фридриху фон Боденстеду, 1863 г. © Fondation Bodmer, Photo © N. Sikorsky

Так загадочно называется выставка, открывшаяся в прошлую субботу в Литературном фонде Яна Михальского в Монрише.

Русскоязычному читателю не надо представлять Стефана Цвейга – австрийского писателя с трагической судьбой, пользовавшегося огромной популярностью в СССР: достаточно сказать, что предисловие к 12-томному собранию его сочинений, которое начало выходить в 1920-е годы, писал сам Максим Горький, и автор, горячо любивший русскую литературу, был счастлив. В 1928 году Цвейг приехал в Советский Союз на торжества по случаю столетия со дня рождения Льва Толстого и встречался со многими писателями. Тогда все еще было хорошо, но позже его отношение к СССР стало критическим, и 28 сентября 1936 года Цвейг писал Ромену Роллану: «… в

Вашей России Зиновьев, Каменев, ветераны Революции, первые соратники Ленина расстреляны как бешеные собаки… Вечно та же техника, как у Гитлера, как у Робеспьера: идейные разногласия именуют „заговором“». Такая оценка привела к охлаждению его отношений не только с Ролланом, которого Цвейг считал «совестью Европы», но и, понятное дело, с советскими издателями.

Однако в 1956 году ветер переменился, и в Государственном издательстве художественной литературы вышли "Избранные произведения" Цвейга в двух томах сиреневого цвета. На этот раз вступительную статью писал литературовед Борис Сучков, годом ранее вышедший из Карлага, где он, пройдя войну, сидел с конца 1940-х по обвинению в шпионаже, и занявший пост заместителя главного редактора журнала «Знамя». Его текст, на целых тридцать страниц, представляет интерес и сегодня, хоть и напичкан подобающей тому времени лексикой и риторикой про «буржуазных писателей», даже лучшие среди которых все же не все понимали как надо. Но совершенно справедлив основной делаемый вывод - Б. Л. Сучков относит произведения австрийского писателя к «наиболее значительным явлениям западноевропейской литературы, в которой не так уж много было писателей, столь искренне и чисто веривших в добро, заложенное в человеке, как Стефан Цвейг».

Как всегда, время все расставило на свои места, и хочется верить, что и сейчас наши соотечественники зачитываются его новеллами «Амок», «Письмо незнакомки», «Смятение чувств» и пронзительной автобиографией «Вчерашний мир: воспоминания европейца», опубликованной посмертно – элегическим, пронзительным текстом, который так и хочется назвать музыкальным термином «реквием».

Мы не будем пересказывать биографию Стефана Цвейга. Напомним лишь, что родился он в 1881 году в Вене в богатой еврейской семье, а умер в Петрополисе, предместье Рио-де-Жанейро. Он поселился там после нескольких лет скитаний, начавшихся с восхождением к власти Гитлера – нигде он не чувствовал себя защищенным, и всюду – чужим. 22 февраля 1942 года Стефан Цвейг и его жена Шарлотта покончили жизнь самоубийством, приняв смертельную дозу сильного снотворного веронал - их нашли в их доме мёртвыми, держащимися за руки. Так писатель "по собственному желанию" разделил судьбу шести миллионов своих соплеменников. От себя не убежишь, от судьбы не уйдешь.

„... Иногда мне кажется, что русская мысль боится страхом пред самою-же собой; стремясь быть внерациональной, она не любит разума, боится его.

Интересный этюд В. В. Розанова горестно вздыхает в „Уединенном":

„О, мои проклятые опыты! И зачем я захотел все знать? Теперь уже я не умру спокойно, как нужно."

У Л. Толстого в „Дневнике юности" 51-й т, V. сурово сказано:

„Сознание — величайшее скорбное зло, которое после смерти отца испытал человек."

Так-же говорит Достоевский:

„... сильнее сознавать — это больше, настоящая, полная болезнь... много сознания и даже всякое сознание — болезнь. Я стою на этом."

Вероятно-так размышлял Адам через некоторое время после изгнания из рая.

Реагент А. Ор. Тиссенкий крикнул в письме к Лепешкову-Петербургскому:

„Горит-бы подобная публикация ещё-раз, один лесоток души!"

Л. Андреев говорил:

„В разуме есть что-то от лисицы, от провокатора"

И-добавлял:

„Весьма вероятно, что разумом исследованная сфера ~~всего~~ сознания."

Можно набрать и русских писателей несколько десятков таких вторжений,- все они резко свидетельствуют о недовольстве своим разумом. Это крайне характерно для слабой страны, умы которой построены наиболее разумно.

Вздыхает и Леонтьев-Щеглов вздыхает:

Любопытно, что и Н. Ор. Николаев, автор книги.

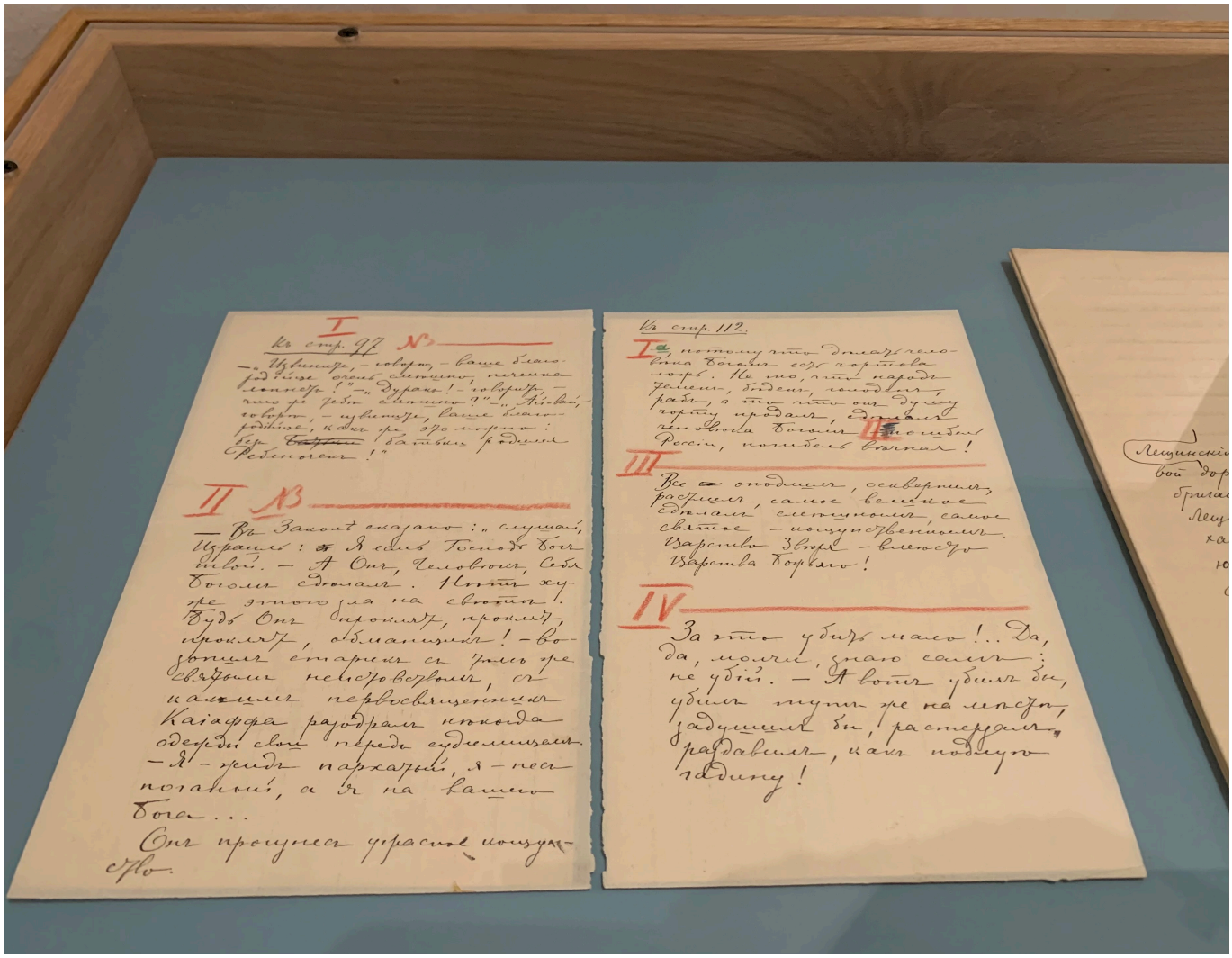
„Активный прогрессе", человек, казалось-бы, чуждый этой линии мышления, писал мне в 907 году:

„Знание уже снижает требования, требования возбуждают ненависть, ненависть порождает жестокость, ибо поэтому ни в сознании ни в мышлении линии!

Максим Горький. Заметки из дневника. Воспоминания, 1923 г. (c) Fondation Martin Bodmer/Naomi Wenger

Выставка в Фонде Яна Михальского посвящена Цвейгу – но не писателю, а коллекционеру, причем коллекционировал он не лишь бы что, а рукописи других писателей, которых ценил. Литературные пристрастия, как и вообще любовь, - вещь иррациональная, так что не стоит искать в этой коллекции системного подхода, она – лишь отражение вкуса Цвейга, его искреннего интереса к европейской литературе, богатой своим разнообразием. Перед посетителем – наброски знаменитых или так и не увидевших свет произведений, черновики, дневники, готовые к отправке в типографию рукописи от эпохи Возрождения до современников Цвейга. Вглядываясь в почерки Гете, Бальзака, Рембо, Казановы или Уайльда, очень жалеешь, что поблизости нет специалиста-графолога, и испытываешь священный трепет, словно проникаешь за кулисы, только не театра, а литературного процесса.

Собственно, в этом и был смысл собирательства Цвейга, сформулированный в прочитанной в Нью-Йорке в 1939 году лекции «Тайна творческого процесса»: «Для того чтобы доставить как можно большему числу людей эту наивысшую радость, было бы прекрасно, на мой взгляд, если бы музеи выставляли не только изданные произведения, но также наброски, черновики, проекты, которые им предшествуют, чтобы люди не думали пренебрежительно, что литературное произведение падает с неба, но осознавали, какие чудеса создают их братья, такие же люди, как они сами, создают мучительно, в страданиях, в радости, вырывая из жизни "сырье" ценой огромных душевных затрат.»

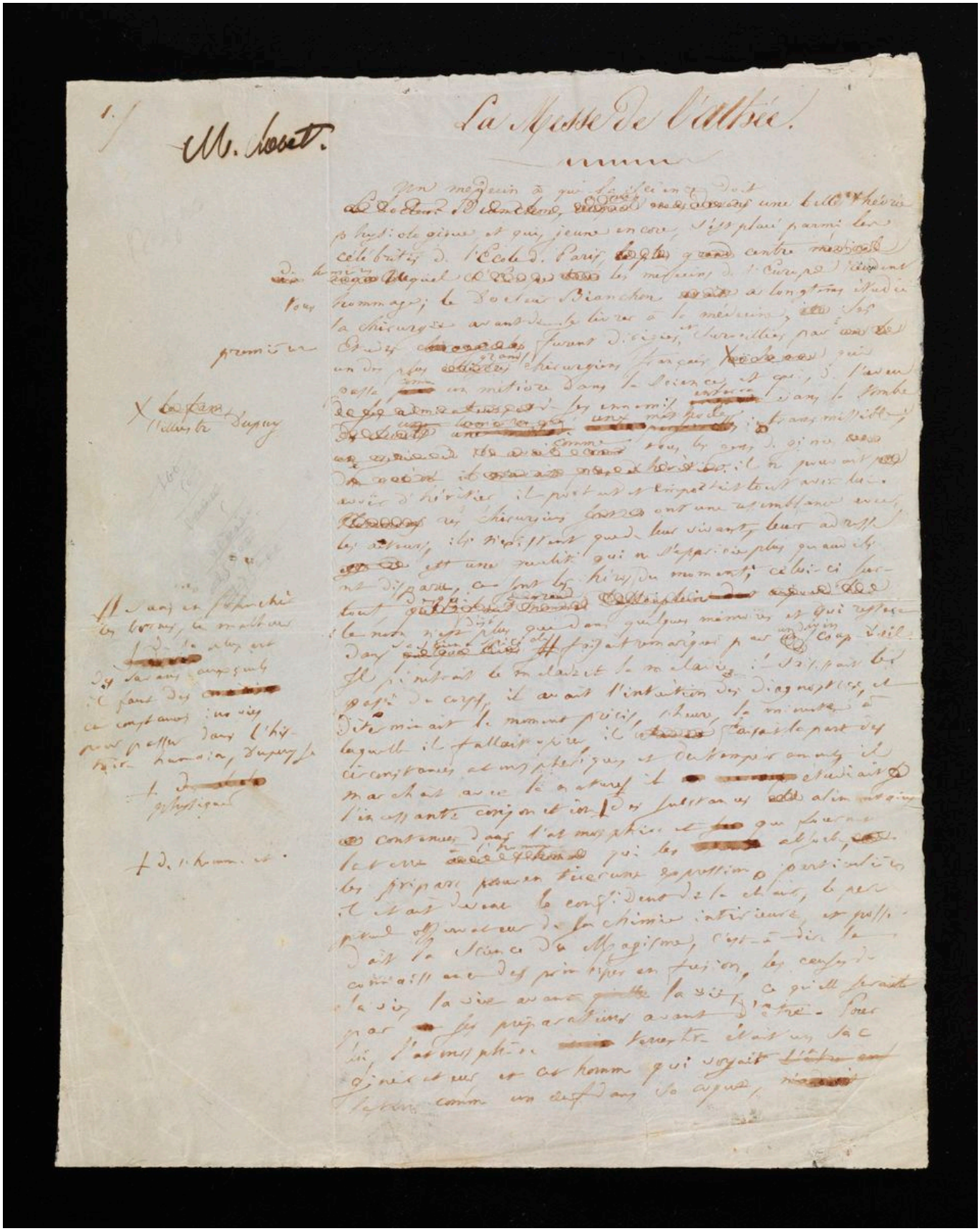

Дополнения Д. Мережковского к его роману "Александр I" (c) Fondation Bodmer, Photo Nasha Gazeta

К огромной нашей радости, российские авторы представлены на выставке очень достойно! Не счастье ли прочитать в оригинале, хоть и через стекло, «Заметки из дневника» Максима Горького, отрывок из статьи Петра Кропоткина «Влияние Л. Н. Толстого в России», басню И. А. Крылова «Василек», заметки Д. Мережковского к роману «Александр I», письмо И. С. Тургенева (на французском языке, но со стихотворением "Синица" на русском) его немецкому переводчику и фрагмент из «философского диалога» В. Соловьева... Дух захватывает и голова идет кругом от возможности такого соприкосновения.

Но какая связь между Стефаном Цвейгом и Мартином Бодмером, женевским библиофилом и основателем Фонда? Дело в том, что, узнав, что 10 мая 1933 года его собственные книги были сожжены на площади перед Берлинским университетом, Цвейг решил со своей уникальной коллекцией расстаться, полагая, как писал он во «Вчерашнем мире», что она более достойна выжить, чем его собственные сочинения. Удивительная скромность для успешного автора, согласитесь! Для достижения этой цели он привлекает известного венского букиниста Генриха Гинтербергера, вместе с которым устраивает, из Лондона, продажу. К счастью для всех нас большая часть коллекции была приобретена Бодмером, что обеспечило ей дальнейшую жизнь в целости и сохранности. Известно, что на тот момент Цвейг не был лично знаком с Бодмером, младше его на 17 лет, но знал, что тот пользуется репутацией серьезного книголюба. Возможно, он слышал о нем во время своего швейцарского, а точнее

цюрихского периода: в 1917-1920 годах Цвейг жил в городе на Лиммате, где 27 февраля 1917 года была поставлена его пьеса «Иеремия», антивоенная драма на сюжет книги пророка Иеремии, заканчивающаяся словами «человека можно заковать в цепи, но дух – нельзя».

Оноре де Бальзак. Обедня безбожника, 1836 г. (c) Fondation Martin Bodmer / numérisation Bodmer Lab, UNIGE

Кураторы выставки удачно представили жизненные параллели Цвейга и Бодмера, в которых, при всех очевидных различиях, обращают на себя внимание удивительные совпадения. Возьмем, к примеру, 1914 год, год начала Первой мировой войны, которую Цвейг долгое время считал трагическим недоразумением и верил, что она станет последней в мире. Пребывая в этой уверенности, он именно в тот страшный год серьезно пополнил свою коллекцию, приобретя гранки романа Бальзака «Темное дело» с корректурой автора; фрагмент проповеди Жака Бениня Боссюэ, французского проповедника, богослова и писателя 17 века; размышления Дидро о воспитании, изложенные в письме к мадам де Форбах; отрывок из комментариев к Библии Жана Расина; 23 стихотворения Рембо и отрывок рукописи «Путешествие в Амазонию» Бернардена де Сен-Пьера. Также в 1914 году Цвейг написал первый серьезный текст на тему собирательства, «Коллекция рукописей как произведение искусства», который был опубликован в венском журнале *Deutscher Bibliophilen-Kalender*.

Мартин Бодмер, со своей стороны, на тот момент 15-летний, в том же 1914-м купил экземпляр немецкого перевода Августом фон Шлегелем «Бури» Шекспира, изданного двумя годами ранее с иллюстрациями Эдмона Дюлака, и получил в подарок от мамы – державшей в Цюрихе литературный салон, куда захаживали Поль Валери и Гуго фон Хофманнсталь – коллекционное издание «Фауста» Гёте, вышедшее в 1909-м. Две эти книги стали основой его будущей коллекции.

≡ 4 ≡ Chanson

Peut-être un soir m'attend
Où je boirai tranquille
En quelque bonne ville
Et mourrai plus content:
Puisque je suis patient

Si mon mal se résigne
Si jamais j'ai quelque or
Choisirai-je le Nord
Ou les pays des vignes?...
— Ah songer est indigne

Puisque c'est pure perte
Et si je redeviens
Le Voyageur ancien
Jamais l'auberge verte
Ne peut bien m'être ouverte

≡ 5 ≡

Les pigeons qui tremblent dans la prairie
Le gibier qui court et qui voit la nuit
Les bêtes des eaux la bête asservie
Les derniers papillons ... y ont soif aussi.

Mais fondre où fond ce nuage sans guide!
O favorisé de ce qui est frais
Expirer en ces violettes humides
Dont les aurores chargent ces forêts!

A. Rimbaud

Артур Рембо. Ад жажды, 1872 г. (c) Fondation Martin Bodmer / numérisation Bodmer Lab, UNIGE

И Цвейг, и Бодмер считали себя наследниками Гёте и воспринимали каждую авторскую рукопись, как чудо, а мировую литературу в целом – как светлый литературный горизонт на фоне безжалостного наступления национализма. Посетив выставку в Монрише, нельзя с ними не согласиться.

русские писатели в Швейцарии
частные фонды Швейцарии
фонд Яна Михальского

Source URL:
https://rusaccent.ch/blogpost/ot-stefana-cveyga-do-martina-bodmera-nevidimaya-kollekciya